

ИССЛЕДУЕМ ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 316.662+316.663

ГЕНДЕРНЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ: МУЖСКОЙ УТИЛИТАРИЗМ VS. ЖЕНСКАЯ ИГРА

Часть 2 *

К.С. Шаров

МГУ им. М.В. Ломоносова

const.sharov@aol.com

В данной статье проведен анализ репрезентации гендерных ролей и гендерных стереотипов в невербальной коммуникации. Показано, что существуют две различные гендерные коммуникативные субкультуры – мужская и женская. Выявлены и описаны их характеристики.

Ключевые слова: гендер, коммуникативные стратегии, невербальная коммуникация, социальные статусы, поведенческие стереотипы

Понемногу вниманием Хэртона завладели завитки ее густых шелковистых волос: он не мог видеть ее лица и разглядывал волосы Кэтрин... И может быть, не совсем осознавая, что делает, замороженный, как ребенок свечкой, он глядел, глядел и, наконец, потрогал – протянул руку и погладил один завиток легонько, точно птичку. Как будто он воткнул ей в шею нож, – как она вскинулась:

– Если вы близко ко мне подойдете, я опять уйду наверх!

Эмили Бронте. Грозовой Перевал

Гендерная коммуникативная традиция ухаживания за дамой

Мы убедились, что многие гендерные стереотипы в невербальных коммуникативных практиках связаны с противоборством, даже поединком полов. При этом даже некоторые феминистки признают, что наиболее ожесточенный поединок иногда разворачивается во время любовных ухаживаний¹. Что же такого кроется в гендерной

традиции ухаживания мужчины за женщиной, что одни воспринимают как обещание вечного чувства, а другие расценивают всего лишь как легкий флирт? Кто изобрел эту традицию, когда и для чего?

Вряд ли можно забыть прекрасный диалог Эммы и ее подружки Харриет из самого гротескного романа Джейн Остин «Эмма», в котором они обсуждают письмо, присланное Харриет мистером Элтоном, местным викарием. В этом письме мистер Элтон предложил Харриет плоды своего остроумия в виде шарады: нужно догадаться, какое слово зашифровано в загадке,

* Часть 1 см.: Идеи и идеалы. – № 2(16). – Т. 1. – С. 109–122.

¹ См., напр.: Clement C. and Cixous H. La jeune neé. – Paris: Gallimard, 1975.

если есть указания на два слова, его структурно составляющих. А поскольку мистеру Элтону вздумалось загадать в шараде слово *courtship* (ухаживание), составленное из двух слов: *court* (суд) и *ship* (корабль), до которых никак не могла додуматься простушка Харриет, наши собеседницы пришли в немалое волнение от такого явного намека викаррия на свои чувства. Любопытно другое. Харриет, девица простого происхождения и еще более простого воспитания, лишенная светского лоска и изящных манер, испугалась по-серьезному, решив, видимо, что еще день-другой – и мистер Элтон поведет ее под венец. Но светская леди Эмма, утонченная до мозга костей, лишь посмеялась шараде со свойственным ей женским юмором и сарказмом.

Если верить Андре Моруа, то настоящее ухаживание невозможно без выведения женщиной самой себя за круг доверительно-дружеских отношений с мужчиной, без сознательного удаления от мужского внимания: «...Дело женщины – суметь внушить мужчине желание преследовать ее. Для этого существует целая тактика: уступить немножко, показаться заинтересованной, затем внезапно порвать и резко запретить то, что еще накануне представлялось завоеванной территорией. Шотландский душ – штука жестокая, но необыкновенно благоприятствует бурному росту любви и желания»².

И даже если Артур Шопенгауэр в минуту сильной меланхолии написал: «Ухаживая за дамой, мы часто подсушиваем дрова, которые будут гореть не для нас»³, он явно признавал безвыходность, я бы даже ска-

зал – какую-то мрачную необходимость – для мужчины строго следовать строгим ритуалам любовных ухаживаний за своей дамой, если он и впрямь хочет добиться ее руки. Шопенгауэр со своим подчас злобным и мстительным характером прекрасно понимал, каково для мужчины долгое время ухаживать за женщиной и потом остаться одуроченным ею, если она, отвергнув его, выйдет замуж за другого. «Такое смывается только кровью, – сказал он также как-то в личной беседе Козиме фон Бюлов. – Поэтому я всегда избегал женщин, пядя их жизни»⁴. Более того, с точки зрения Шопенгауэра, институт семьи и материнство могут элиминировать способность женщин играть в ухаживания: «назначение женщин должно исчерпываться назначением их служить распространению человеческого рода»⁵.

Похоже, в этой фразе не обошлось без гиперболы, но смысл остается ясен: любовные ухаживания – одна из самых старых гендерных культурных традиций, в которой женщина сполна использует свою власть над мужчиной, ставя его не просто в зависимость от ее воли (а иногда – и прихоти) положение, но и, играя с ним, иногда сознательно заставляет его проходить через серьезные испытания, которые могут закончиться трагедией и его, и ее жизни. Не случайно во многих индоевропейских языках, включая русский, слово «ухажер» имеет налет едкой иронии, что, конечно же, обходят своим вниманием феминистские исследовательницы языка, а этот факт как пример социального конструирования лингви-

² Моруа А. Превратности любви. – М.: Худ. лит., 1988. – С. 233 и сл.

³ Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости // Избранные произведения. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – С. 338.

⁴ Шопенгауэр А. Из неопубликованных сочинений // Мир как воля и представления и другие произведения. – М.: АСТ, 2005. – С. 451.

⁵ Толстой Л., Бокль А., Шопенгауэр А., Спенсер Г. О женщинах. – СПб.: Изд-во Его Императорского Величества, 1902. – С. 61.

стического поля сам по себе мог бы стать прекрасной темой для анализа.

Отдаляться от мужчины, не принимать его ухаживаний, испытывать его, заставляя его полностью потерять себя в погоне за собой практически с античности (что отмечено древними историками Плутархом⁶, Гаем Светонием Транквиллом⁷, Тацитом⁸ и замечательным исследователем гендерных проблем в античности Жаком Роэрга де Сервье, жившим в XVII–XVIII вв.⁹) считалось культурной нормой, даже эталоном женских коммуникативных стратегий. При этом нормой также является маскировка женщиной своих чувств, более того, сознательный обман признается наиболее изящным кокетством. Выражаясь фигурально, если мужчина «бегает» за женщиной, общество это считает вполне нормальным и с интересом наблюдает за ним, но если вдруг какая-то женщина опустит себя со своего пьедестала до того, чтобы открыто преследовать мужчину, то это сразу будет расценено как социальное отклонение. Метафорически феноменологический смысл этого прекрасно отразил польский поэт Юлиан Тувим в своем афоризме: «Добродетельная девочка за мальчиками не бегает: разве видел кто-нибудь, чтоб мышеловка бегала за мышью?».

И наоборот, если женщина спокойно и без обиняков заявляла мужчине о своих чувствах (позитивных или негативных), это расценивалось как девиантность, исключение из правила, совершенно не способное отменить само правило. Не случайно мистер Коллинз в «Гордости и предубеждении» Джейн Остин, делая предложение

Элизабет, нисколько не ступившись от ее решительного отказа, промолвив самую нелепую фразу, которую только можно было выдумать в той ситуации: «Я знаю, что многие молодые леди, желая еще больше разжечь в мужчинах страсть к ним, вначале отказывают им раза три-четыре... Поэтому я намерен в скором будущем повести вас под венец».

Ухаживание – это та ритуально-игровая традиция, которую женщины создали, сконструировав культурный зазор между гендерами еще в незапамятные времена, и вряд ли найдется исследователь с достаточно большим самомнением, чтобы заявить о каких-либо точных датировках, когда был вбит или хотя бы начал вбиваться этот культурный гендерный клин. Любопытно то, что за весь долгий период существования института ухаживания (практически до настоящего времени это был настоящий социальный институт) мужской формализм так и не смог полностью приспособиться к этой традиции. Мужчины все время пытаются подвергнуть ее рационализации и дефрагментации с позиций какого-то материального производства, подрывающего сами основы женского производства символов.

Эту мужскую рационализаторскую страсть хорошо сформулировал Ницше, отметив: «Почему я должен каждый раз совершать этот сложный ритуал ухаживания за женщиной, если мы оба прекрасно понимаем, зачем это все делается? Почему сразу не перейти к тому, что нравится?»¹⁰ В другом месте он еще более категоричен в попытке сломить саму силу женского: «освободить женщину можно, только сделав ей ребенка»¹¹, «первое и последнее призвание женщины –

⁶ Плутарх. Сочинения. М.: Худ. лит., 1983.

⁷ Светоний Гай Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. – СПб.: Кристалл, 2000.

⁸ Тацит К. Сочинения в 2 т. – Л.: Наука, 1969.

⁹ Сервье Ж.Р. Жены двенадцати цезарей. – М.: Крон-Пресс, 1998.

¹⁰ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. – М.: АСТ, 2005. – С. 175.

¹¹ Ницше Ф. Ессе Homo. Соч. в 2 т. – М.: Мысль, 1990. – Т. 2. – С. 727.

рожать здоровых детей»¹². Показательно, что сверхчеловек Ницше, представляющий собой предельную стадию рационализации и демистификации социума, — это только мужчина — мужчина, который никогда *не унижится* до ухаживаний за дамой.

Для многих мужчин знаково-символическое поле ухаживаний ничего не означает: не видя там ни смысла, ни дороги, они бредут впотьмах, точно слепые, стараясь поскорее вырваться из этого темного чулана «на свет» — туда, где работает аристотелевская логика с ее формализмом и где они верят, что добьются своего.

При анализе гендерных полей сознания в ходе другого социологического опроса по ответам женщин-респонденток из старых дворянских русских фамилий я постарался выстроить градацию стереотипов ухаживания в женском представлении, которая позволяет очертить некий круг общих правил ухаживаний-игр.

Этот опрос в силу малочисленности опрашиваемой аудитории, естественно, не может претендовать на полноту охвата всей сложной семантики женского представления об ухаживании. Тем не менее в качестве результатов пилотного исследования эти данные вполне пригодны и уместны. Самое главное — эти результаты показывают малую убедительность феминистских пассажей наподобие цитаты из Мэрилин Фрай: «Любить женщину — значит относиться к ней с любовью»¹³. Поскольку мужчина на такое, с точки зрения Фрай, принципиально не способен, то женщинам следует любить женщин, откуда следует апологетика лесбиянства. Если другие феминистки и способны на нечто большее, чем

писать глубокосодержательные тавтологические пассажи в защиту однополой любви, то, по-видимому, они все равно редко обращаются к самим женщинам с целью выяснить их реальные представления о гендерных коммуникативных практиках.

В листе-опроснике присутствовал единственный вопрос — «Что Вас наиболее привлекает в мужчинах, за Вами ухаживающих?» По результатам опроса 44 респонденток были получены следующие ответы:

- 1) *нестандартное поведение и способность удивить* (12);
- 2) *целестремленность в ухаживании* (10);
- 3) *приподнятое эмоциональное состояние — жизнерадостность, возбудимость, задумчивость, чувствительность и т. п.* (7);
- 4) *демонстративное внимание к персоне женщины или подчеркнутое равнодушие к ней при всеобщем интересе к ней других мужчин* (5);
- 5) *способность быть внимательным и приятным собеседником* (4);
- 6) *социальное и материальное положение* (3);
- 7) *внешняя привлекательность и элегантная одежда* (3).

Примечательно, что в данной градации на первом месте находится способность удивить и заинтересовать женщину. Возможно, именно поэтому гений стратегии А.В. Суворов и гений тактики Наполеон Бонапарт отмечали сходство ухаживаний за женщиной и военных кампаний против неприятеля¹⁴. Социальное и материальное положение мужчин довольно неинтересно респонденткам, поскольку они относятся к высокой страте, однако внешний лоск в мужчинах и их умение одеваться означают для опрошенных еще меньше.

¹⁴ Суворов в этом контексте говорил: «Удивить — значит победить», а Наполеон — «Самое главное условие победы — не делать того, что ожидает от тебя неприятель». См.: Суворов А.В. Наука побеждать. — М.: ЭКСМО, 2004.

¹² Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Там же. — С. 358.

¹³ Frye M. The Politics of Reality. — P. 75.

Не лишним будет вспомнить в этой связи, что впервые эта, казалось бы, совершенно не очевидная для мужчин истина была сформулирована Бальзаком в его романе «Модеста Миньон». Вспомним невероятные усилия Ля Брийера, ухаживавшего за Модестой и явившегося в церковь в таком наряде, в котором, как он думал, он будет неотразим для женщины, – в голубом камзоле, лимонного цвета жилете, ярком галстуке, коричневых кожаных до колен сапогах и черных бархатных перчатках. Кроме вполне уместного в этой ситуации смеха, у мадемуазель Миньон это, естественно, ничего не вызвало. Подобные нелепые усилия современных мужчин в большинстве случаев также остаются незамеченными предметом их ухаживаний. Однако, как отмечается в литературе, мужчины очень большое внимание склонны придавать своему внешнему виду, считая фактор внешней привлекательности практически самым важным для приобретения успеха у женщин¹⁵.

Более важными для респонденток в описываемом мной опросе оказались проявления внутреннего состояния мужчин, а также целеустремленность их поклонников, которая для женщины может свидетельствовать о честности мужчины в разыгрываемой ей игре.

Что касается способности мужчин удивить женщину, четверо из двенадцати опрошенных добавили: «упав к моим ногам», имея в виду такой невербальный символ после длительного ухаживания.

Знак падения к ногам любимой женщины или поцелуй ее ног, по-видимому, является одним из наиболее древних жестов добровольного подчинения ей мужчины в символическом поле означаемых и может

служить одним из доказательств того, что сфера невербальной коммуникации полов сознательно конструируется и контролируется женщинами, как бы феминистки ни пытались доказать обратное. Для мужчины это последнее, предельное испытание, своего рода весы, на одной чаше которых лежит подобный жест самоотречения, забвения своей личности ради женщины, а на другой – гордость и чувство собственного достоинства. Женщина словно призывает мужчину в этом знаке отрешиться не только от своей логики, знаний или гордости, но и – сверх того – от своего «Я». Ничего не означающий в феноменальном мире вещей, этот символ становится краеугольным камнем в семиотическом мире социальных знаков: женщина инвертирует эгоцентризм мужчины и свой собственный. Когда мужчина добровольно повергает себя к ее ногам, она всего лишь *обещает* нечто, но его значащий поступок уже *совершен*.

С другой стороны, падение к ногам любимой имеет некое сходство с преклонением колен перед Богом, Девой Марией, святыми и ангелами. В этом отношении крайне показателен диалог Роберта Мура и Каролины Хелстоун из романа Шарлотты Бронте «Шерли»:

– Сегодня мне уже дважды приходила мысль упасть на пол у ваших ног...

– Лучше не падайте. Я не стану вас поднимать.

– ...и молиться на вас. Моя мать была истой католичкой, а вы так похожи на престестное изображение Непорочной девы, что, кажется, я приму веру моей матери и с благоговением преклоню перед вами колени.

– Роберт, Роберт, сидите спокойно, не дурачьтесь. Я уйду, если вы позволите себе какую-нибудь выходку.

¹⁵ Lauretis Tina de. Technologies of Gender. – Bloomington, IN: Indiana University Press, 1987.

– Вы лишили меня рассудка, у меня в голове не осталось ничего, кроме гимнов в честь Святой Девы: «Ô rose celeste, Reine des Anges!»¹⁶

Здесь налицо скорее шутливая трактовка жеста падения к женским ногам, чем несущая глубокий смысл. Оба влюбленных понимают, что это всего лишь несерьезное ребячество.

Другая сцена из того же романа – сцена между братом Роберта Луи Муром и Шерли Килдар – рисует совершенно иную трактовку этого символа женской власти и женской победы над мужским сердцем:

– Я совершенно спокойна и не боюсь ничего, – заверила она меня.

– Ничего, кроме своего возлюбленного.

Я встал перед ней на колени.

– Понимаете, мистер Мур, я очутилась в каком-то новом мире, я не узнаю ни себя, ни вас. Но встаньте. Когда вы так ведете себя, мне тревожно и беспокойно.

Я повиновался; мне совсем не хотелось долго оставаться в столь неподходящей для меня позе¹⁷.

Твердый по характеру, как сталь, Луи, который высекал искры из не менее твердой, строптивой и вспыльчивой, как камень, Шерли – даже такой мужчина опускается к ногам возлюбленной, хотя и понимает несурзность своего положения.

Бальзак замечал, что в душе настоящий мужчина, если он действительно любит, почти всегда продолжает оставаться идолопоклонником. Тем не менее пал ли мужчина к ее ногам или нет – лишь женщине решать, чем закончатся его ухаживания. «Нет» женщины – это тот козырной туз у нее в руках, который может перечеркнуть всю мужскую

игру и свести все его усилия на нет. И если американская исследовательница Ш. Видон утверждает, что в гендерной коммуникации мужчине принадлежат все права, а женщина наделена лишь обязанностями, при этом процесс *выбора* мужчиной супруги в сочетании с просьбой выйти за него замуж унижает само естество женщины¹⁸, я думаю, она делает ошибку. Нельзя забывать о том, что сила отказа – сила женского – значительно больше силы предложения – силы мужского. В конце концов, решает все женщина, мужчина может лишь смиренно просить. Положения феминистской теории в сфере гендерной коммуникации оказываются не вполне убедительными, будучи подвергнутыми испытанию на прочность пробным камнем этой простой истины.

Игровые стратегии женского

При анализе гендерных коммуникативных стереотипов, поведенческих знаков и любовного ухаживания как комплексной системы знаково-симулятивных кодов, шифров и референций мы приблизились к пониманию того, что наиболее разумно говорить не о раз и навсегда закрепленных половых или гендерных стилях коммуникации, как это делается, например, в ряде работ известного западного социолога Э. Гоффмана¹⁹, а о некоторых эталонах маскулинного и феминного поведения²⁰.

¹⁸ Weedon Ch. *Feminist Practice and Poststructuralist Theory*. – N.Y.: ABC Books, 1987.

¹⁹ Goffman E. *Gender Advertisements*. New York: Harper and Row, 1979; Goffman E. *Interactional Ritual: Essays on Face-to-face Behavior*. Garden City, NY: Anchor, 1967; Goffman E. *The presentation of self in everyday life // Social Science Research Center Monograph*. – Edinburgh: University of Edinburgh Press, 1956. – № 2.

²⁰ Я специально не использую термины «мужского» и «женского» во избежание семантической путаницы.

¹⁶ О небесная роза, королева ангелов (фр.).

¹⁷ Бронте Ш. Шерли. – Харьков: Фолио, 2001. – С. 485, 506.

При этом в каждом гендере и в каждом отдельном его представителе реализуется не чистый идеал гендерного коммуникативного поведения, а некая достаточно сложная и динамически развивающаяся суперпозиция маскулинного и феминного.

Ввиду этого представляется разумным исследовать дискурсивные гендерные *стратегии* невербальной коммуникации. Если сами типы коммуникации всегда смешанны и включают в себя репрезентацию как одного, так и другого гендерного полюса, то гендерные стратегии коммуникации теснейшим образом связаны с важнейшей составляющей гендерного индивидуально- и социального сознания и отражают волевой посыл (неважно – логический или спонтанно-эмоциональный) представителей того или иного гендера.

Вряд ли мы далеко отклонимся от истины, если на основе проведенного анализа коммуникативных практик скажем, что основной женской стратегией невербальной коммуникации является *чистая игра*. В этом мужчина никогда не был равен женщине и никогда с ней не сравнивается. Несмотря на все феминистские потуги²¹ (чем сами феминистские авторы явно противоречат своему первопроходцу Симоне де Бовуар) сравнивать коммуникативную способность обоих гендеров, они не были и не будут адекватны. Для мужчины с его ангажированной рациональностью очень часто остается непостижимым смысл игровых стратегий женщины, которые, кстати сказать, также могут быть

вполне рациональными и лишенными даже намека чувственности.

Конечная цель любой уважающей себя женщины – при занятии желаемого места в обществе и присвоении всех социальных статусов оставаться свободной в конструировании и переконструировании системы своих социальных ролей. При этом одним из главных моментов ее коммуникативных стратегий является желание обеспечить полный контроль над выстраиванием социальных ролей мужчин, ее окружающих.

И в этом она никогда не добилась бы успеха, если бы не главный механизм реализации ее гендерных стратегий по деконструкции и конструкции ее ролей – игра.

Удивительно, но никакими мужскими сведениями или познаниями о природе женского (даже такими, которыми обладал первый во все времена и народы знаток женской натуры Оноре де Бальзак!) невозможно объяснить феномен успеха в жизни какой-либо женщины или своей собственной неудачи в коммуникации с женщиной. Более того, одни и те же приемы воплощения в жизнь стратегий женского в одних случаях женщинам удаются, а в других – нет. Более того, если женщина ограничивает себя некоторым стандартизированным набором инструментов реализации своих стратегий и не видоизменяет их, находясь в свободном полете фантазии, можно почти наверняка предугадать, что ее планы обречены на провал. Возможно, это станет более понятным, если вспомнить, что основой ее коммуникации была и продолжает оставаться игра.

Ни одной феминисткой не могут быть названы те причины, которые могли бы разъяснить, отчего одна женщина волнует, пленяет, завораживает, очаровывает мужчин (а иногда – и других женщин; в настоящем

²¹ Представленные, например, в работах: Hunt M.E. A Feminist theology of friendship // A Challenge to Love. Ed. by R. Nugent. – N.Y.: Crossroads, 1983; Moulton J. Sex and reference // Philosophy and Sex. Ed. by R. Baker, F. Elliston. – Buffalo, N.Y.: Prometheus Books, 1975; Lauretis T. de. Feminist studies. Critical studies: Issues, terms and Contexts // Feminist Studies. Ed. by T/ de Lauretis. – Berkeley, CA: University of California Press, 1987.

контексте я не говорю о любви), а другая – нет и никогда в будущем не сможет этому научиться. Не смогут они также растолковать и то, каким образом возникает это чарующее действие и притягательность.

Уже этимология слова «очаровывать»²² наводит на мысль о присутствии в нем таких компонентов, которые вряд ли могут быть точно объяснены вне игрового дискурса. Со времен Иммануила Канта²³ и Фридриха Шиллера многие мыслители XIX–XX столетий размышляли над проблемой игры. Из обширной литературы по данному вопросу выделим лишь те труды, которые непосредственно относятся к поставленной теме. Речь идет прежде всего о двух наиболее известных работах: «*Homo ludens*» Йохана Хейзинги²⁴ и «Игра» Ганса Шойерля²⁵.

Что касается менее известного в данном контексте труда «Истины и методы» Ганса Георга Гадамера, замечу, что его трактовка игры, по-видимому, не вполне соответствует априорным основаниям женских коммуникативных стратегий, поскольку он говорит в основном об играх с четко определенным и закрепленным правилами ролевым составом²⁶, что не вполне укладывается в принятый нами тезис о возможности переконструирования женщиной всей системы своих социальных ролей.

Для женщины игра – это нечто большее, нежели чисто психологическое явление, это феноменологическая основа всей

ее коммуникации с социумом. Более того, для нее игра всегда *что-то* означает, даже если окружающие не понимают этого имплицитного смысла, и впервые это отметил Хейзинга, сравнивая игровые потенциалы обоих полов²⁷.

Ни Г. Спенсер, ни Ч. Дарвин, ни З. Фрейд и К.Г. Юнг, описывавшие процесс игры в своих сочинениях, не смогли понять того, что для женщины игра как коммуникативная практика не является выражением или результатом излишней жизненной силы, некоторого инстинкта подражания²⁸. В равной степени она не является удовлетворением ее нереализованных желаний. Женская игра – не только механизм конструирования социальных ролей, но и практика обучения этим ролям; это динамическая социальная система приспособления, позволяющая женщине не просто адаптироваться к окружающей ее социальной действительности, но и во многом адаптировать ее под саму себя.

Это обусловлено рядом причин.

Во-первых, игра позволяет женщине чувствовать себя всегда на высоте положения вне зависимости от ее взглядов на общество или мировоззрения, поскольку игра не является *ступенью* культуры и не связана ни с одной из форм мировоззрения. И если справедливы слова Хейзинги «Бытие игры всякий час подтверждает, причем в самом высшем смысле, супралогический характер нашего положения во Вселенной»²⁹, то, конечно, для женщины игра всякий раз под-

²² Лат. *fascinare* – завораживать, очаровывать; ит. *fascinare* – подчинять волшебству.

²³ Кант И. Критика способности суждения. – М.: Искусство, 1994.

²⁴ Хейзинга Й. *Homo ludens*. – М.: АСТ, 2004.

²⁵ Scheuerl H. *Das Spiel. Untersuchungen über sein Wesen, sein pädagogische Möglichkeiten und Grenzen*. – Weinheim, Basel: Beltz Pädagogik, 1997. – 12 Auflage.

²⁶ Гадамер Г.Г. Истина и метод. – М.: АСТ, 2005.

²⁷ Хейзинга Й. Указ. соч. – С. 231–244.

²⁸ Возможно, потому что ни один из этих авторов не признавал реальной силы женского, принципиально отличающегося от мужского, и не придавал женским коммуникативным практикам никакого внимания. Фрейд, например, ни слова не написал о «женской» сублимации, по-видимому, считая постановку вопроса о ней абсурдной.

²⁹ Хейзинга Й. Указ. соч. – С. 93.

тверждает ее супралоогическое место в социуме. В этом смысле игровые стратегии универсальны для любой культуры, поскольку они, согласно Делезу, могут предварять саму культуру и становиться имманентной частью мифологии, искусства и языковых практик³⁰.

С другой стороны, игра дает женщине чувство свободы действий – без сомнения, то, к чему, хотя бы втайне, стремятся многие женщины, поскольку женской игрой мужчины принципиально не могут управлять, в лучшем случае они могут лишь научиться определенным навыкам ее воспроизведения. Это свобода «от гнета инстинктов и давящей повседневности»³¹. Всякий возврат к повседневности губит игру или, по крайней мере, угрожает ей, лишая ее естественности.

Для женщин, относящихся к невысоким и не вполне престижным социальным стратам, а также для женщин, всецело посвящающих себя социальной жизни, игра, кроме всего прочего, может также стать средством выхода из обыденного существования во временную сферу активности, обладающую собственной тенденцией развития, поскольку игра не является «обычной» или «подлинной» жизнью.

Из подобной трансформации смыслов возникает запутанная мифология женского существования – у каждой женщины своя. Цели, которым служит женская игра, лежат вне контуров прямого материального интереса или индивидуального удовлетворения потребностей – об этом должны заботиться их мужчины.

В-третьих, женщинам свойственно играть в игры, обособленные от обыденной жизни местом действия и продолжи-

тельностью. Эти игры разыгрываются в определенных рамках пространства и времени, поскольку каждой игре соответствует вполне определенный перечень гендерных стратегий, на что обращал внимание, хотя и между делом, еще Жиль Делез в своем «Кино»³². В данном контексте игра фиксируется женщиной как некая закономерность выстраивания социальных связей, социальная форма, упорядочивающая реальность. Еще замечательнее временного ограничения пространственное ограничение женской игры.

Она проигрывается в местах, феноменально (или хотя бы символически) отграниченных от внешнего мира; в местах, которые сами становятся новыми мирами реальности женского, в которых царят свои особые правила и собственный, безусловный порядок (например, семья, дом, дети – территория первичной социализации; театр – территория культурных социальных трансформаций; светские балы и приемы – территория этикета и создания социальных ролей и т. д.). Женщина там царит в недостижимом превосходстве, «выселяя» мужскую часть человечества господствовать во внешнем мире. Другой вопрос, что тогда этот внешний мир настолько истончается, что становится невозможно не согласиться с Хабермасом, утверждающим, что нашему социуму через десятилетие-другое грозит полное «размывание» по частному сектору³³. При этом мужчине в этом истончающемся мире женщинами отводится, естественно, незначительная роль. Однако на пространственной детерминированности женских игр я останавлиюсь более подробно в другом месте.

³² Делез Ж. Кино. – М.: Ad Marginem, 2006.

³³ Хабермас Ю. Техника и наука как идеология. – М.: Праксис, 2007.

³⁰ Делез Ж. Переговоры. – СПб.: Наука, 2004.

³¹ Scheuerl H. Das Spiel. – S. 80f.

В-четвертых, даже в самой неинтересной женской игре всегда присутствует момент напряжения, который занимает в ней особое и важное место. Напряжение, возможно, щекоча нервы, внушает женщинам неуверенность в победе на *интуитивном* уровне, ведь игровые стратегии женского лежат вне сферы формальной аристотелевско-кантовской, а тем более гегелевской логики, с чем в общих чертах соглашался даже такой упорный противник независимого женского, как Мишель Фуко³⁴. Чтобы в игре женщине нечто удалось, нужны усилия.

Поскольку, по Хейзинге, «игра есть борьба за что-нибудь или представление чего-нибудь»³⁵, женщина должна создать определенные правила и заставлять строго их соблюдать всех, кто вовлечен в рамки ее игры. Эти правила с необходимостью должны быть четко сформулированы, чтобы женская коммуникативная стратегия оказалась действенной. Они должны диктовать, что будет иметь силу внутри отграниченного мирка. При этом в отношении таких правил невозможен скептицизм – окружающие либо их принимают полностью и играют по правилам женщины, либо вообще отказываются от игры. Правила не созданы для того, чтобы их *понимать*, они нужны, чтобы им *следовать*.

Тот играющий, который не подчиняется правилам или обходит их, есть нарушитель или – лучше сказать – разрушитель игры. Этот разрушитель совершенно не похож на того, кто лукавит и плутует в женской игре. «Пулер» только для виду признает магический круг игры, он сохраняет целостность игрового мира. В то же время

«разрушитель» обнажает относительность и хрупкость игровых тактик, отнимает у игры иллюзию и надежду на выигрыш. Последнее дело, когда сама женщина, начав игру, становится ее разрушителем. Это означает даже не ее безоговорочное поражение в контексте той или иной коммуникативной практики, но еще хуже – подчеркивает ее неспособность быть всецело женщиной, поскольку, создав игровое пространство, она тотчас же уничтожает его, признавая собственное бессилие.

Наконец, в игре женщина, если не заиграется «до усталости», имеет реальную возможность стать мастером социальных иллюзий. Вспоминая марксиста-психоаналитика Герберта Маркузе с его концепцией одномерного человека, можно сказать, что вряд ли он, описывая выход из этой замкнутости в раскрепощении своих желаний и сбрасывании каких-либо сковывающих свободу рамок³⁶, писал хоть про одну женщину. Игра для женщины – не раскрепощение, как думал Маркузе, игра – это то зеркало, в котором она отображает свою собственную реальность бытия. И это не зависит от давления какой-либо социальной предопределенности или неизбежности. Это поиск в поле свободы, открытый многим впечатлениям.

Именно таким образом женщина получает возможность подняться над узостью скованного инстинктами и предрассудками (чаще всего не только мужскими, но равномерно распределенными между гендерами) одномерного существования. На более высоком уровне такая игра предстает как *conditio sine qua non* человеческого существования вообще: в действительности мужчины и женщины не живут более в одном мире. Путь культуры не является естественным пу-

³⁴ Фуко М. Ненормальные. – СПб.: Наука, 2005.

³⁵ Хейзинга Й. Указ. соч. – С. 17.

³⁶ Маркузе Г. Одномерный человек. – М.: АСТ, 2003.

тем, похожим на что-либо в природе, ибо только социум дарит нам восхитительное *переживание* раздвоенности гендера – культурной раздвоенности, которая уже никогда не исчезнет из нашего бытия. Скорее наоборот – будучи социальными существами, мы стараемся – и в этом состоит наше отличие от любого животного – держать эту разверзшуюся культурную «пропасть» всегда открытой. В этом, возможно, и состоит подлинно человеческая задача.

Иллюзионизм женского предстает в женских играх практически полным отрицанием каузальности (не хуже, чем у Юма или Мальбранша!) – между самой игрой и ее результатом существует ничем не заполненное зияние, и причина не оказывает непосредственного воздействия на результат, но дает только импульсы, для того чтобы создалась видимость, что некоторое событие возникло «само по себе». Однако это событие происходит в другой плоскости, нежели действие: оно призрачно, в то время как всякое действие реально. В женской игре возможно отрицание явной каузальности или ее подмена, вымысел при отсутствии последней. Словно кантовская категория «причинность – следствие» смещена для женщин в область мифологической каузальности, которая, в свою очередь, основана на феноменологической свободе игровых стратегий!

Тем не менее даже при самой тщательной подготовке фактических основ игры она может у женщины не получиться, что точно отметил Шойерль: «Игра удастся сама по себе, или она просто не удастся»³⁷. Момент парения в своей игре испытывает далеко не каждая женщина и не в каждой ситуации. Подлинная игра возникает не там, где одна женщина пытается играть

сама по себе, а лишь там, где игра «играется» всеми вместе.

Подведем итог. Для успешной реализации своих невербальных коммуникативных стратегий женщина должна разработать концепцию или – что с моей точки зрения более отражает действительность – композицию игры, которая воплощала бы весь женский замысел, необходимый для осуществления игрового действия. При этом композиция должна:

- 1) направлять ход игры в устойчивой или свободной форме;
- 2) придавать смысл игре, но в то же время скрывать суть замысла самой женщины;
- 3) устанавливать правила игры;
- 4) придавать игре внутреннюю темпоральность, делая ее повторяемой;
- 5) подготавливать игроков к ощущению внутренней бесконечности с помощью своей временной и пространственной структуры;
- 6) вырывать игру из непрерывности обыденного существования.

Зачастую женщина наслаждается самим процессом игры (чего только стоит фраза «играть мужчинами!»). Но в основном она стремится к достижению своих целей, к пониманию людей, которые принимают ее игру, к безусловному признанию этими людьми в соперничестве с другими женщинами, а также к раскрытию главных частей содержания игры при маскировке всего целого. Такова в общих чертах хитрая герменевтика женских игр, которая практически недоступна пониманию представителей другого гендера, поскольку хотя в женские игры играет много мужчин – для этого эти игры и задумываются, – но понимают их очень немногие.

Мужчина не может отказаться от женской игры и победить женщину, перечер-

³⁷ Scheuerl H. Das Spiel. – S. 132.

кнув ее стратегии своими собственными способами – это относится безусловно ко всем сторонам нашего бытия, далеко не только к социальному институту семьи. Победа над женщиной возможна только тогда, когда мужчина играет по *ее* правилам и выигрывает. И в этом случае это окончательная и честная победа, поскольку женщины ценят и уважают мужчин-победителей, которые не отказались от трудностей и обыграли их на их же собственной доске, а не смахнули в сердцах фигуры после первого же неудачного хода.

Заключение

Анализ репрезентации гендерных ролей и гендерных стереотипов в невербальной коммуникации показывает, что вполне уместно говорить о двух различных гендерных субкультурах – мужской и женской. Не случайно существует американская поговорка: «*Men are from Mars while women are from Venus*»³⁸, мужчины и женщины представляют собой два разных культурных мира. М. Бахтин отметил в одной из своих работ, что даже символика мужского и женского вряд ли случайно зеркально симметрична: М (Men) – W (Women)³⁹.

В результате исследования гендерных принципов невербальной коммуникации и репрезентации гендерных ролей, осуществляемых с помощью такой коммуникации, можно заключить, что женщина гораздо интенсивнее осознает свою женственность, чем мужчина свою мужественность.

При изучении гендерных полей сознания выясняется, что ментальность мужчины занимает очень много функционального –

того, что можно было бы назвать «делом», но осознание своего гендера у мужчины занимает лишь очень малое место. Женщину, напротив, никогда не оставляет отчетливое и в то же время не вполне ясное чувство, что она женщина. И это чувство создает прочную основу, на которой разворачивается содержание всей ее жизни и которая является необходимым и вместе с тем достаточным условием создания сложной системы социальных ролей женщины.

Однако отсюда вовсе не следует, как обычно считается, что для своей гендерной определенности женщина больше нуждается в мужчине, чем он в ней. Скорее наоборот. Для мужчины гендерные роли конструируются в процессе *деятельности*, для женщины – в процессе *бытия*, что впервые привлекло внимание уже Георга Зиммеля⁴⁰.

В процессе конструирования своих социальных ролей женщина тяготеет к гендерной центристскости, выводя мужчину за пределы ее игрового пространства, в то время как для мужчины не существует этого центристского, в себя заложенного осознания своей гендерности, поскольку он в большинстве жизненных ситуаций не рассматривает себя как мужчину, а только как «нейтрального человека». Для женщины, наоборот, жизнь ее гендера не может быть отделена от ее остальной жизни, поэтому в ситуации отсутствия гендерной коммуникации она остается не «нейтральным человеком», а всегда женщиной. Не только остается женщиной, но и сознательно управляет социальными ролями – как своими собственными, так и во многих случаях мужскими, что полностью отражает ее социальные гендерные стратегии.

³⁸ Мужчины с Марса, а женщины с Венеры (англ.).

³⁹ Бахтин М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979.

⁴⁰ Зиммель Г. Женская культура // Избранное в 2 т. – М.: Логос-Альтера, 1996; Simmel G. Das Relative und das Absolute im Geschlechter Problem. – Leipzig: Chronos, 1919.

Литература

- Бахтин М.* Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров; текст подгот. Г.С. Бернштейн и Л.В. Дерюгина; прим. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
- Бодрийяр Ж.* Соблазн / Ж. Бодрийяр. – М.: Ad Marginem, 2000. – 306 с.
- Бронте Ш.* Шерли / Ш. Бронте. – Харьков: Фолио, 2001. – 488 с.
- Гадамер Г.Г.* Истина и метод / Г.Г. Гадамер. – М.: АСТ, 2005. – 616 с.
- Григорьева С.А.* Словарь языка русских жестов / С.А. Григорьева, Н.В. Григорьев, Г.Е. Крейдлин. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 542 с.
- Делез Ж.* Кино / Ж. Делез. – М.: Ad Marginem, 2006. – 812 с.
- Делез Ж.* Переговоры / Ж. Делез. – СПб.: Наука, 2004. – 242 с.
- Зиммель Г.* Женская культура / Г. Зиммель. Избранное в 2 т. – М.: Логос-Альтера, 1996. – 1228 с.
- Кант И.* Критика способности суждения / И. Кант. – М.: Искусство, 1994. – 368 с.
- Кассирер Э.* Философия символических форм. В 3 т. / Э. Кассирер. – М.; СПб.: Университетская книга, 2002. – 2136 с.
- Маркузе Г.* Одномерный человек / Г. Маркузе. – М.: АСТ, 2003. – 146 с.
- Моруа А.* Превратности любви / А. Моруа. – М.: Худ. лит., 1988. – 382 с.
- Ницше Ф.* Так говорил Заратустра / Ф. Ницше. – М.: Инт-т философии РАН, 2004. – 391 с.
- Ницше Ф.* Сочинения в 2 т. / Ф. Ницше. – М.: Мысль, 1990. – 964 с.
- О женищинах.* А. Толстой, А. Бокль, А. Шопенгауэр, Г. Спенсер. – СПб.: Изд-во Егo Императорского Величества, 1902. – 320 с.
- Плутарх.* Сочинения / Плутарх. – М.: Худ. лит., 1983. – 876 с.
- Светоний.* Жизнь двенадцати цезарей / Светоний. – СПб.: Кристалл, 2000. – 344 с.
- Сервье Ж. Р. де.* Жены двенадцати цезарей / Ж. Р. де Сервье. – М.: Крон-Пресс, 1998. – 562 с.
- Суворов А.В.* Наука побеждать / А.В. Суворов. – М.: ЭКСМО, 2004. – 500 с.
- Тацит.* Сочинения в 2 т. / Тацит. – Л.: Наука, 1969. – 1104 с.
- Фуко М.* Ненормальные / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2005. – 522 с.
- Хабермас Ю.* Техника и наука как идеология / Ю. Хабермас. – М.: Праксис, 2007. – 194 с.
- Хейзинга Й.* Homo ludens / Й. Хейзинга. – М.: АСТ, 2004. – 302 с.
- Шопенгауэр А.* Афоризмы житейской мудрости / А. Шопенгауэр // Избранные произведения. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – 434 с.
- Шопенгауэр А.* Мир как воля и представления и другие произведения / А. Шопенгауэр. – М.: АСТ, 2005. – 528 с.
- Clement C. and Cixous H.* La jeune née / C. Clement and H. Cixous. – Paris: Gallimard, 1975. 308 p.
- Ferguson A.* Feminist aspect theory of Me / A. Ferguson // Science, Morality and Feminist Theory.
- Goffman E.* Gender Advertisements / E. Goffman. – N.Y.: Harper and Row, 1979. – 290 p.
- Goffman E.* Interactional Ritual: Essays on Face-to-face Behavior / E. Goffman. – Garden City, NY: Anchor, 1967. – 312 p.
- Goffman E.* The presentation of self in everyday life / E. Goffman // Social Science Research Center Monograph. – Edinburgh: University of Edinburgh Press, 1956. – V. 2. – 244 p.
- Hunt M.E.* A Feminist theology of friendship / M.E. Hunt // A Challenge to Love. Ed. by R. Nugent. – N.Y.: Crossroads, 1983. – 408 p.
- Lauretis T. de.* Feminist studies. Critical studies: Issues, terms and Contexts // Feminist Studies. Ed. by T. de Lauretis. – Berkeley, CA: University of California Press, 1987. – P. 177–184.
- Lauretis T. de.* Technologies of Gender. – Bloomington, IN: Indiana University Press, 1987. – 248 p.
- Moulton J.* Sex and reference / J. Moulton // Philosophy and Sex. Ed. by R. Baker, F. Elliston. – Buffalo, N.Y.: Prometheus Books, 1975. – 288 p.
- Schneerl H.* Das Spiel. Untersuchungen über sein Wesen, sein pädagogische Möglichkeiten und Grenzen. Weinheim, Basel: Beltz Pädagogik, 1997? 12 Auflage. – 421 s.
- Simmel G.* Das Relative und das Absolute im Geschlechter Problem / G. Simmel. – Leipzig: Chronos, 1919. – 278 s.
- Weedon C.* Feminist Practice and Poststructuralist Theory / C. Weedon. – N.Y.: ABC Books, 1987. – 382 p.